

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Послекнижная тишина

В ней намечаются контуры новых замыслов

Алексей Макушинский – о провинциальной Европе, дзен-буддистском опыте и своём новом романе.

– Вы выросли в семье писателей, и должно быть, творческая атмосфера в доме во многом предопределила выбранный вами путь... А какие писатели и произведения оказали на вас наибольшее влияние?

– Наоборот, я это считаю до некоторой степени случайностью. Мы все рождаемся в каком-то месте, в какое-то время, в какой-то семье и среде. Но свой дальнейший путь человек выбирает сам. И важен только его личный, самостоятельный выбор. Что до влияний, то их было так много, что любое перечисление тоже кажется случайным. Мы вышли не столько из «Шинели», сколько из русской поэзии Серебряного века, продолжившейся в том пороховом и железном, бушлатном и беженском, который наступил вслед за ним. Мандельштам, Ахматова, Ходасевич – три самые яркие звезды на моём небосклоне. Жизнь прожита с их стихами и строчками. Вообще есть писатели, которых читаешь и перечитываешь всю жизнь – Толстой, Бунин, Набоков. Или – Бодлер, Рильке, Валери, Томас Манн, Маргерит Юрсенар. Можно перечислять ещё долго, так что я лучше остановлюсь. А есть авторы, которых вдруг открываешь для себя, – и вот наступает эпоха этого писателя в твоей жизни. Таким писателем лет десять-двенадцать назад был для меня В.Г. Зебальд. Таким был прекрасный, в России, кажется, ещё не открытый сербский прозаик Александар Тишма. А сильнейшее впечатление самого последнего времени – книга Маргерит Дюрас «Боль», совершенно невероятная. Ещё не знаю, как и что, но как-то и что-то обязательно напишу о ней – эссе или даже не эссе. Есть книги, требующие ответа.

– В чём, на ваш взгляд, заключается особенность жанра эссе? И чем он привлекателен лично для вас?

– Мне кажется, это – свобода. Возможность говорить о чём угодно, о самом важном или о пустяках. Возможность мешать личное с общим. Признаться, я не люблю тягучих терминов и пудовых понятий, которыми имеют обыкновение изъясняться философы. Мне кажется, о самом сложном и самом таинственном можно говорить прозрачной прозой, внятной для любого образованного человека. В биографии Эмиля Чорана есть патетический момент, когда он решал для себя, перейти ли с румынского на немецкий – и превратиться в тягелодумного германского философа, или перейти на французский – и стать эссеистом



«ЛГ»-ДОСЬЕ

Алексей Анатольевич Макушинский –

поэт, прозаик, историк литературы. Родился в 1960 году в Москве. По образованию филолог, кандидат наук. Автор романов «Макс», «Город в долине», «Пароход в Аргентину», книг стихов «Свет за деревьями», «Море, сегодня», книги эссе «У пирамиды». Доцент кафедры славистики университета города Майнца. Лауреат премии «Глобус» журнала «Знамя» и Библиотеки иностранной литературы. Финалист премии «Большая книга». Обладатель первого приза «Русской премии» 2015 года. Живёт и работает в Германии.

в традиции великих французских моралистов (хотя он сам скорее имморалист, конечно). Он выбрал, как мы знаем, второе (для этого были и политические причины, но речь сейчас не о том). Прекрасно его понимаю. А самое, на мой взгляд, совершенное и глубокое эссе, написанное кем-либо когда-либо, написано всё-таки по-немецки – «О театре марионеток» Клейста. Что до меня самого, то я надеюсь вернуться к эссеистике. Последние годы я писал только прозу – три романа один за другим, – и она требовала меня к себе целиком, не позволяя писать ни стихов, ни эссе, вообще ничего другого. Жить проза тоже не очень охотно позволяет, будем откровенны.

– Как вы считаете, существует ли сегодня литература русского зарубежья как явление? Или же сегодня не имеет значение, где автор живёт и работает?

– По-моему, это сейчас не очень важно.

– Какие трудности могут возникнуть у русскоязычного писателя, живущего за границей? Удалённость от России, «языковая изоляция» как-то сказываются на творческом процессе?

– Эмиграция в старом смысле сейчас, конечно, нет, но опыт жизни на чужбине остался, и этот опыт временами очень горький. Жизнь ведь вообще отдаляет и отрывает нас от нашего прошлого, здесь она это делает с особенно беспощадной решимостью.

Пусть границы не на замке, но они всё-таки остаются границами. Ты не только сам оказываешься за границей, но, что важнее, большие части, целые пласты твоей жизни оказываются по ту сторону. Затем – удалённость от литературной, художественной жизни, в конце концов – от всяческой жизни. Вообще – пустыня провинции. Европа провинциальна; люди в России обычно не понимают, не хотят понимать, до какой степени это так. Ты едешь в широкий мир, а оказываешься в ка-

Эмиграция в старом смысле сейчас, конечно, нет, но опыт жизни на чужбине остался, и этот опыт временами очень горький.

кой-нибудь университетской дыре, где совсем не обязательно тебе находиться. В каком-нибудь случайном месте, с которым тебя ничего не связывает. Смотришь вокруг и дивишься: что я здесь делаю, как я сюда попал? Это бывает трудно выдерживать, прямо скажем, и я только и мечтаю о том, чтобы это как-то изменить, пока не знаю как. Поэтому я стараюсь как можно чаще приезжать в Россию; для меня это чрезвычайно важно. Каждый приезд – праздник. А вот «языковой изоляции», благодаря интернету, в особен-

Вопрос-опрос:

– Что бы вы хотели видеть в «Литературной газете» в новом году?

– Меньше политики, больше литературы.

ности – «Фейсбуку», никакой нет; и я даже не всегда уверен, что это хорошо.

– Можете охарактеризовать свой художественный метод в целом? Как у вас происходит работа над романом?

– Слово «метод» фатально напоминает о соцреализме... Никакого метода у меня нет. Книги задумываются и пишутся по-разному. «Город в долине» я не мог написать в течение пятнадцати лет, совершенно извёлся и измучился с ним – и потом вдруг написал за один год. «Пароход в Аргентину» пришёл ко мне внезапно, я сразу начал писать его, и тоже справился примерно за год. Последний роман, «Остановленный мир», сейчас выходящий в «Знамени» и в «Эксмо», я писал четыре года; много раз его переписывал. Я вообще много, иногда мучительно, переписываю свои тексты. Часто пишу от руки, часто в кафе. Иногда просто сижу и записываю разные мысли, из которых понемногу прорастает собственно текст. И я никогда не пишу подряд, от начала к концу, но всегда с разных мест; понемногу они складываются в единое целое. Иногда у меня бывает чувство, что я стою перед большой – огромной – стеной, которую надо пробить; и я пытаюсь пробить её то здесь, то там; смотрю, какой камень сегодня поддается. Обычно не поддается никакой; иногда один из них вдруг всё же начинает пошатываться.

”

“

– Расскажите немного о вашем новом романе «Остановленный мир»? О чём это книга и для кого она?

– Кое-что я уже сказал. В основе этого романа лежит, конечно, наряду с другими вещами, мыслями и событиями мой собственный дзен-буддистский опыт. Дзен-буддизм сыграл огромную роль в моей жизни; я пишу об этом в самом романе. Разумеется, когда двадцать лет назад я ездил в дзен-буддистские монастыри, жил там в медитативном

молчании, я вовсе не думал о том, что буду это когда-то описывать и что это, может быть, для того и нужно было, чтобы я потом написал некий роман. Я проделывал всё это всерьёз, ради самого процесса. Но, как говорил Малларме, мир существует для того, чтобы превратиться в книгу. Конечно, в ней есть и совсем другие мотивы, к дзен-буддизму она не сводится. На днях, вычитывая верстку, я думал о том, что это среди прочего – роман о времени, об утекании времени, о том, как время меняет и преображает нас. А для кого эта книга? Книжки пишутся, потому что они не могут не быть написаны; вот и всё тут. Или они пишутся для «провиденциального собеседника», как это раз и навсегда определил Мандельштам.

– Что служит для вас источником вдохновения?

– О, самые разные вещи. Например, музыка. Пятая симфония Малера – источник вдохновения, не иссякающий никогда. Живопись, как ни странно, в меньшей степени. А вот архитектура и фотография, например, – две важнейшие составляющие «моего мира». Как говорю в новом романе, я хотел бы так писать, как строит Тадао Андо. И есть несколько фотографий Эдварда Вестона, или Рут Бернгард, или в совсем другом стиле потрясающего чилийского фотографа Серхио Ларрейна (Sergio Larrain), при взгляде на которые во мне пробуждается что-то, о существовании чего я сам, может быть, не подозревал раньше.

– А сейчас над чем-нибудь работаете?

– Когда заканчиваешь большую книгу, в тебе наступает тишина, отчасти, может быть, родственная буддистской. В этой тишине намечаются некие звуки, проступают некие контуры. Сейчас несколько замыслов борются за преобладание у меня в голове; один из них чисто литературный, связанный – но очень парадоксальным образом – с русской историей; другой – такая, отчасти автобиографическая, отчасти философическая, проза нон-фикшн (как ныне стало принято выражаться), очень меня увлекающая. Больше пока ничего не могу сказать о ней; разве что скажу ещё, что ради этой книги много занимаюсь Бердяевым, философом, перед которым преклоняюсь с молодости, который очень сильно повлиял на меня в разных смыслах; изучаю, в частности, места его жизни во Франции, под Парижем. Ещё и потому трудно говорить об этом, что ведь до самого конца не знаешь, получится книга или нет.

Беседу вела

Валерия Галкина